

Maltseva L. V. The peculiarities of the paraphrase in precedent phenomenon of scientific and educational discourse (on a basis of textbooks on theoretical french grammar).

The article is devoted to the essence of instrument of the paraphrasation in precedent phenomenon The peculiarities of the paraphrase in precedent phenomenon of scientific and educational discourse examined As an example the author of the article concentrates on some fragments in textbooks on theoretical french grammar

Keywords: *paraphrase, educational and scientific discourse, instrument of the paraphrasation*

Маслова В. А.

Витебский государственный университет (Беларусь)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В рамках антропоцентрической парадигмы возникли новые лингвистических дисциплины: когнитивная лингвистика, лингвополитология, лингвокультурология, лингвоконцептология и др. В центре нашего внимания находится лингвокультурология. Мы предлагаем рассмотреть возможности прикладного использования лингвокультурологии в процессе обучения русскому языку.

Ключевые слова: *лингвокультурология, когнитивная лингвистика, концепт, культурное пространство.*

Смена структурно-системной парадигмы на антропоцентрическую вызвала к жизни целый ряд новых лингвистических дисциплин. Все эти дисциплины объединяет внимание к говорящему человеку и тесная связь с другими науками о человеке. Это когнитивная лингвистика, лингвополитология, лингвокультурология, лингвоконцептология, юридическая лингвистика, прагмалингвистика, коммуникативная лингвистика и др. В центре нашего внимания находится лингвокультурология.

Цель данной статьи – рассмотреть возможности прикладного использования лингвокультурологии в процессе обучения русскому языку.

Новая парадигма предполагает новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики. В антропоцентрической парадигме изменились способы конструирования предмета лингвистического исследования, преобразился сам подход к выбору общих принципов и методов исследования, появилось несколько конкурирующих метаязыков лингвистического описания [3, с. 55]. Однако данная парадигма не отменила предыдущие парадигмы, а лишь показала ограниченность сферы применения их подходов, хотя каждая из них имела свои преимущества и сослужила науке о языке свою службу. Новая парадигма, активно используя достижения старой, заставляет обратить внимание на те аспекты языка, которые ранее почти не исследовались. Так, современная лингвистика, по мнению Е.В. Падучевой, “инкорпорировала в себя теорию речевых актов, теорию референции, вообще прагматику и тем самым получила в свое распоряжение аппарат, позволяющий описывать смыслы таких единиц, которые раньше были ей не под силу, – частиц, междометий, дейктических слов, иллокутивных функций и пр.” [2, с. 47].

Начиная с 80-х годов прошлого столетия в рамках антропоцентрической парадигмы сформировались и активно развиваются не только лингвокультурология, но и когнитивная лингвистика, интерпретативное переводоведение, проблемы теории и практики межкультурной коммуникации, этнопсихоллингвистика, социальная психология, герменевтика и др.

Особо следует сказать о когнитивной науке, которая, по образному выражению Е.С. Кубряковой, оказалась тем зонтиком, который собрал под собой множество дисциплин, так или иначе связанных с усвоением и преобразованием информации [1,

с. 7]: философскую теорию когниции, когнитивную психологию, когнитивную лингвистику, теорию искусственного интеллекта и др.

У русской когнитивной лингвистики, по словам Е.С. Кубряковой, короткая история, зато богатое прошлое (от Гумбольдта, А.А. Потебни, Л.С. Выготского). Одни и те же термины в каждой новой системе взглядов получают новое содержание: когнитивный – вначале – “познавательный”, а теперь – “внутренний, ментальный, интериоризованный”.

В современной когнитивной лингвистике (в том числе и отечественной) можно обнаружить целый ряд направлений, но особо выделяются два – *философское* (логическое) и *лингвокультурологическое*. Первое смыкается с гносеологией и психолингвистикой (Ч. Филлмор, Р. Лангакер, В.З. Демьянков, А.В. Кравченко и др.), второе, лингвокультурологическое, исследует языковые средства, служащие для объективации концептов и того национально-культурного фона, на котором концепты формируются (Дж. Лакофф, А. Вежбицка, Ю.С. Степанов, Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, С.Г. Воркачев, М.В. Пименова, В.И. Карасик и др.).

Термин “лингвокультурология” появился в 90-е годы XX века в русской лингвистике; он связан с работами В.В. Воробьева, В.Н. Телия, В.М. Шаклеина, В.А. Масловой, которые не только показали тесную связь между языком и культурой, но и сформулировали фундаментальные постулаты данных феноменов.

В основе современной лингвокультурологии лежит идея, что язык отражает определенный, специфический для него способ концептуализации мира. Хотя сама идея принадлежит В. Гумбольдту и А.А. Потебне, но только в современной лингвокультурологии она стала доминантной. Реконструкция цельной картины мира по данным языка становится сверхзадачей лингвистики.

Лингвокультурология выросла из лингвострановедения, особенно активно занимавшегося исследованием безэквивалентной лексики. Думается, что эта лексика, как и конкретная лексика вообще, не формирует особого видения мира, она лишь фотографирует предметный мир. Особое видение мира создает то имплицитное, что наполняет новыми красками картину мира конкретного народа. Сюда можно отнести экспрессивную, оценочную, модальную лексику, метафоры, метонимии и вообще все косвенные наименования, фразеологизмы. Таким образом, идеозитическое скрывается в своеобразной пропозиции, создаваемой как раз эквивалентной лексикой, но со специфическим проявлением комбинаторных свойств ее единиц. Таковы, например, *совесть, свобода, закон, дружба, милосердие, счастье* и др. в разных культурах и языках.

Есть народы, которые чтят **закон**, например, евреи, американцы, китайцы. В России к закону всегда относились без уважения. Дело в том, что российская культура не включает в себя законопочитания, как культура протестантская или конфуцианская. К закону у нас отношение эмоциональное, потому и сила закона весьма относительна. Для русского человека важнее справедливость, нежели закон (вопрос из русской сказки, обращенный к народу – *как судить будем: по закону или справедливости?* – в переводе на европейские языки будет нелепым). Закон пишется у нас, так, чтобы его не могли выполнить и чтобы каждого можно было обвинить в их несоблюдении. Отношение к законам, как законодателей, так и тех, кому они адресованы, в принципе одинаковое. Почему же при такой вольности отношения к закону у нас такая истовая религия? Ведь религия – это тоже закон. А русский человек не исполняет и Божьих законов. Он грешит и надеется при этом на Божью милость.

Милосердие и *милость* почти выпали из языкового сознания, они используются в текстах значительно реже, т.к. в советское время сознательно вытеснялись из языка (ср.

сестра милосердия было заменено на *медицинская сестра*). *Милосердие* – это готовность и склонность делать добро, помогать людям из чувства сострадания и любви, для чего нужно обладать именно милым сердцем, сохраняя в нем по отношению к людям *благородство*.

Маша Миронова у Пушкина просит у императрицы “*милости, а не правосудия*”, потому что, следуя закону, в сцеплении исторических событий разобраться невозможно, т.е. *милость* противопоставляется *закону*.

Милосердие всегда для русского человека было выше *справедливости* (сейчас это ушло!). Оно было грозным оружием, способным возродить доброту в душе, возродить саму душу: *Но хотите ли вы наказать его страшно, грозно, самым ужасным наказанием, какое только можно вообразить, но с тем, чтобы спасти и возродить его душу навеки? Если так, то подавите его вашим милосердием!* (Ф. Достоевский “Братья Карамазовы”).

Подобные примеры можно множить до бесконечности, но нас интересует иная сторона вопроса. В связи с целым рядом достижений в лингвокультурологии наступила пора пройти своеобразную школу изменения лингвометодического сознания, т.е. системы сложившихся стереотипов и взглядов на русский язык и способы его преподавания. Уже начинает формироваться прикладная лингвокультурология (в УДН в Москве работает коллектив преподавателей уже выпустивших в 2008 году книгу по прикладной лингвокультурологии).

Инновационный характер курса определяется использованием понятий *этнокультурный образ мира (картина мира), русская языковая личность, языковое сознание, концепты русской культуры, межкультурная коммуникация*.

Например, вводя термин “концепт”, берущий начало еще в 13 в., необходимо его отграничить от термина “культурный концепт”. Концепт национальной культуры – это образ, отражающий фрагмент национальной картины мира, обобщенный в слове и тексте. О количестве концептов национальной культуры мнения не просто расходятся, они подчас противоположны. Так, если Анна Вежицкая выделяла лишь три таких концепта – *тоска, судьба и воля*, в словаре “Константы русской культуры” Ю.С. Степанова уже 20 базовых концептов, то в “Словаре русского менталитета” изданном в Польше, базовыми названо уже 150 концептов. Думается, что их несколько сотен.

Например, базовым для русской культуры следует признать концепт “хлеб”, хотя его история уходит в греческую и библейскую традиции. Уже там хлеб был необходимейшим продовольственным продуктом.

В библейской традиции у данного концепта преобладает духовное начало: “*Я есмь хлеб жизни*”, – говорит Христос.

В русской картине мира концепт “хлеб” сложен. В нем есть и предметное и абстрактно-духовное начала: *Рыба – вода, ягода – трава, хлеб – всему голова! Хлебом и солью* встречают дорогих гостей, *хлеб да соль* – пожелание доброго аппетита, а гостеприимных людей русские называют хлебосольными; *Хлеб на стол – и стол престол! А хлеба ни куска – и стол доска!*

Чисто русскими культурными коннотациями обрastaет *хлеб* в выражениях *блокадный хлеб, ленинградский хлеб*. Для обучения русскому языку как иностранному здесь необходим лингвокультурологический комментарий, основным приемом которого становится раскрытие образа языкового сознания русских. Неплохо, к примеру, прочитать четверостишие из поэмы О. Берггольц “Ленинградская поэма”:

*Шестнадцать тысяч матерей
пайки получают на заре –*

сто двадцать пять блокадных грамм
с огнем и кровью пополам.

При этом нужно использовать также данные ассоциативных словарей, которые есть не что иное, как многоликий образ русского сознания.

Таким образом, создав описание хотя бы сотни базовых концептов русской культуры, следует разработать к ним лингводидактические материалы, которые преподаватели русского языка могут использовать в процессе преподавания русского языка инофонам.

Л и т е р а т у р а :

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Падучева Е. В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН, СЛЯ, т.54, 1995, №3.
3. Фрумкина Р. М. “Теория среднего уровня” в современной лингвистике // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2.

Маслова В. А. Лінгвокультурологія в процесі навчання російської мови.

У рамках антропоцентричної парадигми виникли нові лінгвістичні дисципліни: когнітивна лінгвістика, лінгвополітологія, лінгвокультурологія, лінгвоконцептологія та ін У центрі нашої уваги знаходиться лінгвокультурологія. Ми пропонуємо розглянути можливості прикладного використання лінгвокультурології у процесі навчання російської мови.

Ключові слова: лінгвокультурологія, когнітивна лінгвістика, концепт, культурний простір.

Maslova V. A. Cultural linguistics while teaching the Russian language.

Within the framework of an anthropocentric approach there appeared some new linguistic branches: cognitive linguistics, political linguistics, cultural linguistics, linguistic conceptology and so on. We are particularly interested in cultural linguistics. We suggest to have a look at the possibilities of applications of cultural linguistics while teaching the Russian language.

Keywords: cultural linguistics, cognitive linguistics, concept, cultural environment.

Муратова Е. Ю.

**Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова (Беларусь)**

ВЛИЯНИЕ СОЦИУМА НА СОЗДАНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Новые художественные смыслы возникают при сопоставлении текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений как отдельного автора, так и определенного социума в целом. Дискурсивные связи в поэтическом тексте проявляется за счет координации систем текст-личность, текст-социум, текст-время.

Ключевые слова: поэтический текст, дискурс, дискурсивные связи, лингвокультурное сообщество, “большое время”.

Поэтическое произведение представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, экстралингвистические факторы, устанавливающие связь между реальным окружающим миром и языковой личностью. М. Мамардашвили справедливо пишет: “Текст есть то, что соединяет, – в действительности написание литературного текста не есть занятие, отдельное от жизни” [7, с. 27]. Текст “впитывает” в себя смыслы, существующие вне его, и эти смыслы особым образом влияют на все